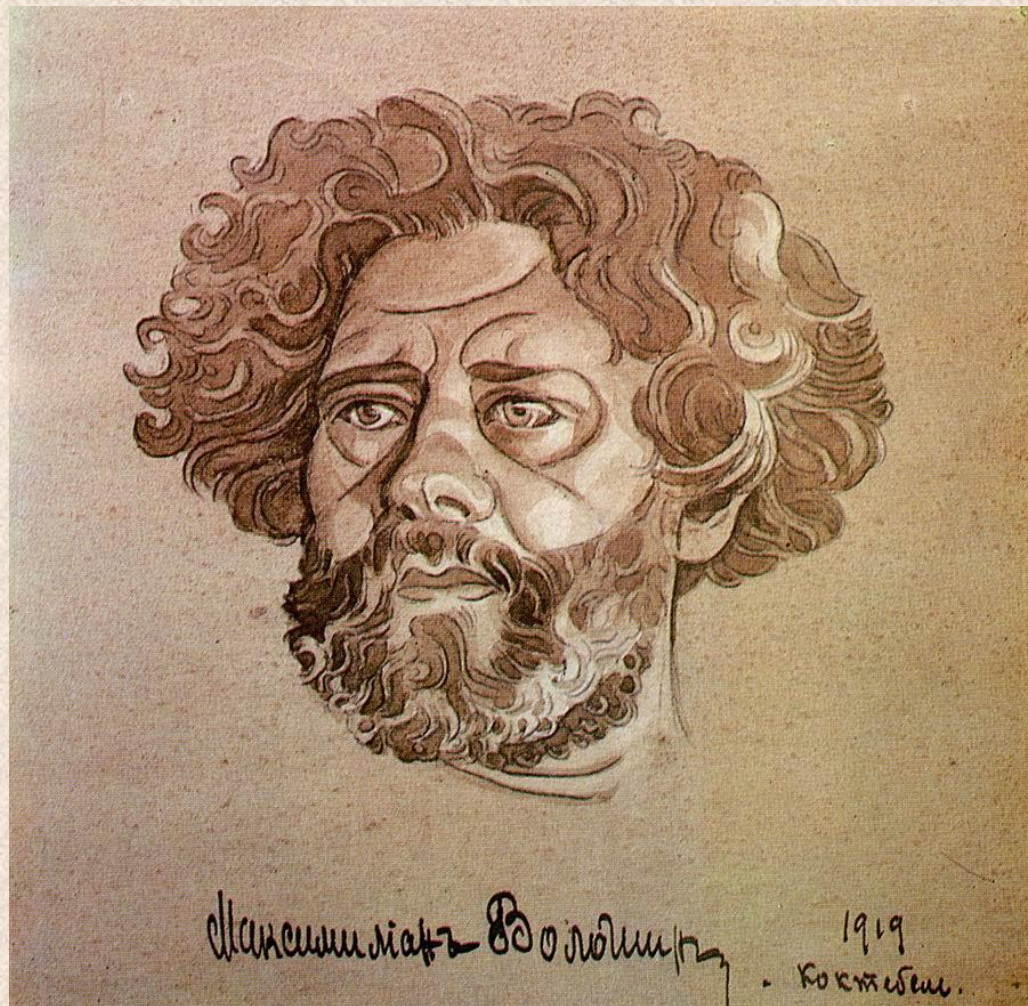

**Максимилиан
Александрович
Волошин
(1877-1932) –
русский поэт
серебряного
века, художник,
критик.**

Волошин родился в Киеве. До 16 лет жил в Москве, потом – в Крыму. Учился в Московском университете, один раз был выслан, один – арестован за участие в студенческих волнениях. С 1904 по 1916 гг. находился в Париже, путешествовал по Европе. С 1917 г. по конец жизни жил безвыездно в Крыму, в Коктебеле. К нему в дом приезжали многие деятели искусства.

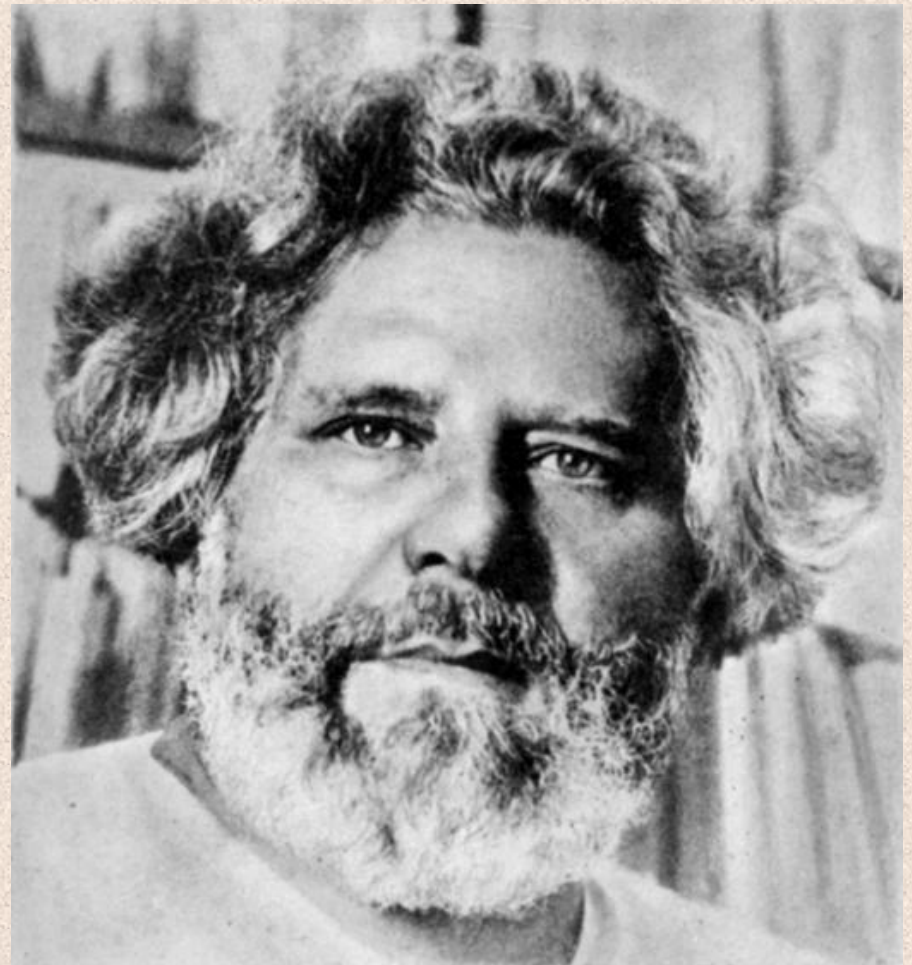

М. Волошин «Из автобиографии»:

«К стихам своим я относился всегда со строгостью. Мой первый сборник вышел, когда мне было 33 года. До внимания публики мои стихи доходили медленно. Газетная шумиха, слишком часто подымавшаяся вокруг моих статей, мешала мне как поэту. Меня ценили, пожалуй, больше всего за пластическую и красочную изобразительность. Религиозный и оккультный элемент казался смутным и непонятным, хотя и здесь я стремился к ясности, к краткой выразительности. Мои стихи о России, написанные за время революции, вероятно, будут восприняты как мое перерождение как поэта: до революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски».

«Я родился 16 мая 1877 года, в Духов день, «когда земля — именинница». Отсюда, вероятно, моя склонность к духовно-религиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах.

Я язычник по плоти и верю в реальное существование всех языческих богов и демонов и в то же время не могу его мыслить вне Христа».

Илья Эренбург. Из книги «Люди, годы, жизнь»:

«Когда я был в Коктебеле, он показал себя мужественным: в мае 1920 года он спрятал на чердаке своего дома большевика И. Хмельницкого-Хмилько, участника подпольной конференции. Ночью пришли к Волошину врангелевцы, требовали выдать Хмельницкого (...). Максимилиан Александрович заявил, что никого у него нет.

Белые арестовали поэта Мандельштама -- какая-то женщина заявила, будто он пытал ее в Одессе. Волошин поехал в Феодосию, добился приема у начальника белой разведки, которому сказал: «По характеру вашей работы вы не обязаны быть осведомленным о русской поэзии. Я приехал, чтобы заявить, что арестованный вами Осип Мандельштам -- большой поэт». Он помог Мандельштаму, а потом и мне выбраться из врангелевского Крыма. Он делал это не потому, что проникся идеями революции, нет, он был человеком смелым, любил поэзию, любил Россию -- как его ни звали за границу и те же Цетлины, и другие писатели, он остался в Коктебеле».

Иван Бунин. «Волошин»:

«Большевики приглашают одесских художников принять участие в украшении города к первому мая. Волошин тоже загорается рвением украшать город; фантазирует, как надо это сделать: хорошо, например, натянуть над улицами и по фасадам домов полотнища, расписанные ромбами, конусами, пирамидами, цитатами из разных поэтов... Я напоминаю ему, что в этом самом городе, который он собирается украшать, уже нет ни воды, ни хлеба, идут непрерывные облавы, обыски, аресты, расстрелы, по ночам -- непроглядная тьма, разбой, ужас... Он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, в кретине *сокрыт страждущий Серафим*, что есть 9 серафимов, которые сходят на землю и входят в людей, дабы принять распятие, горение, из коего возникают какие-то прокаленные и просветленные лики...»

Волошин. «Автобиография»:

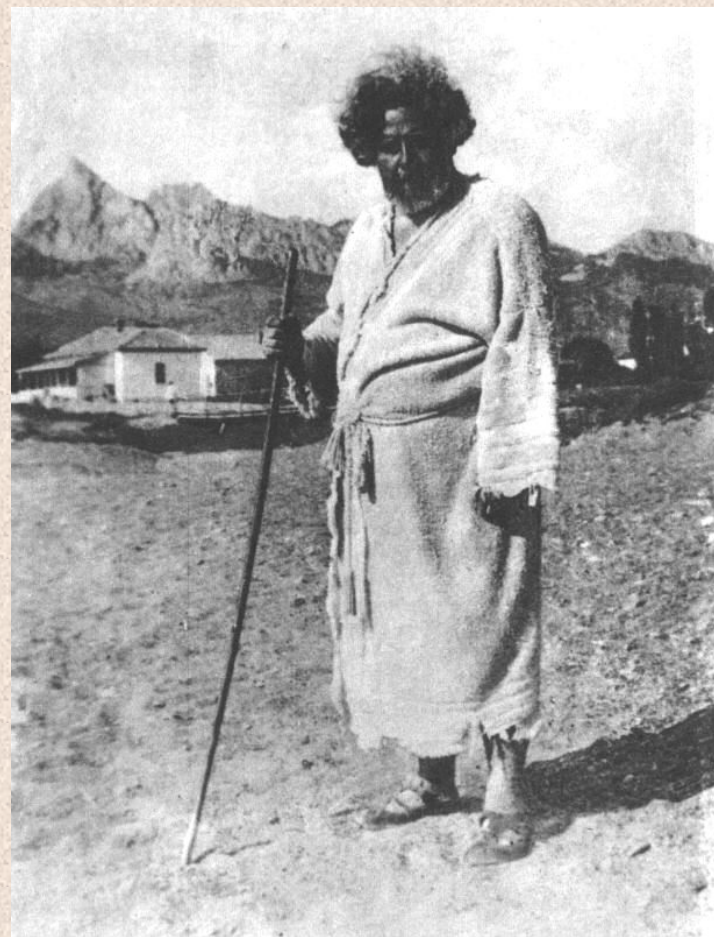
«Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже.

19-й год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившимся и обосновавшимся за эти годы, -- к борьбе с террором, независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (1919--1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами русской усобицы и дает мне обширный и драгоценнейший революционный опыт.

Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес свою веру в человека (стихотв[орение] "Потомкам"). Эти же годы являются наиболее плодотворными в моей поэзии, как в смысле качества, так и количества написанного».

«Но так как темой моей является Россия во всем ее историческом единстве, так как дух партийности мне ненавистен, так как всякую борьбу я не могу рассматривать иначе, как момент духовного единства борющихся врагов и их сотрудничества в едином деле, -- то отсюда вытекают следующие особенности литературной судьбы моих последних стихотворений: у меня есть стихи о революции, которые одинаково нравились и красным, и белым.

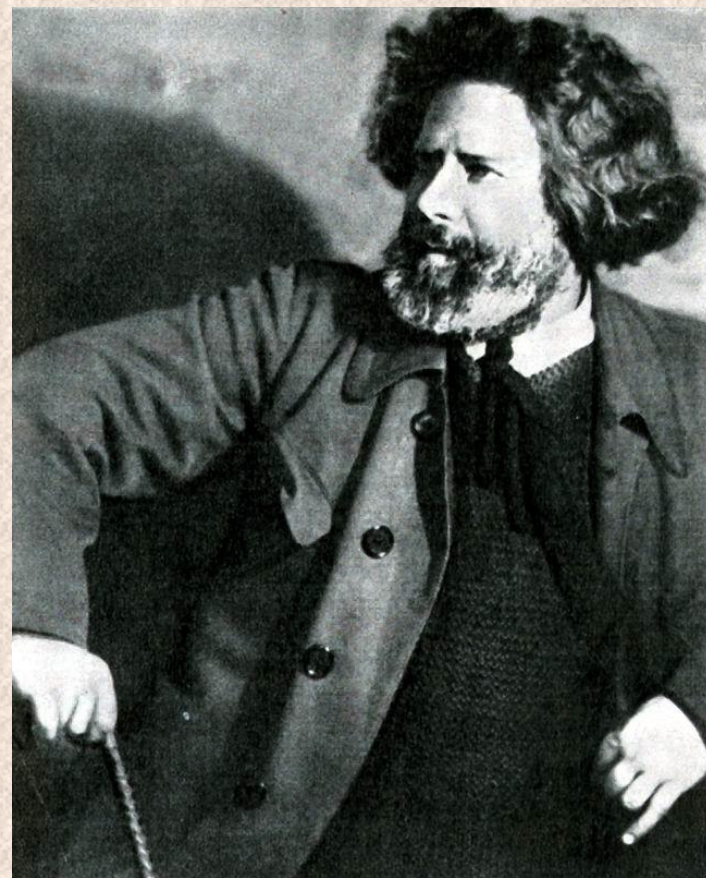
Сам же я остаюсь все в том же положении писателя вне литературы, как это было и до войны».

«Разумеется, красных при белых и белых при красных я защищал не из нейтральности и даже не из "филантропии", а потому, что массовое взаимоистребление русских граждан в стране, где культурных работников так мало и где они так нужны, является нестерпимым идиотизмом. Правительства должны уметь использовать силы, а не истреблять их по-дурацки, как велись все терроры, которых я был свидетелем.

Коммунизм в его некомпромиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же враждебен, как все, что идет под знаком Государства, Политики и Партийности».

Болошин. «Тиророки и мстители. Предвестия русской революции»

На Красной площади был назначен революционный парад в честь Торжества Революции.

Таяло. Москву развезло. По мокрому снегу под кремлевскими стенами проходили войска и группы демонстрантов. На красных плакатах впервые в этот день появились слова "Без аннексий и контрибуций". Благодаря отсутствию полиции, в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые, расположившись по папертям и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее - человеке Божьем.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло всей русской стариной, звучали заклятиями. От них разверзлось время, проваливалась современность и революция, и оставались только кремлевские стены, черная московская толпа да красные кумачевые пятна, которые казались кровью, проступившей из-под этих вещей камней Красной площади, обогранных кровью Всея Руси. И тут внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени.

Революция (1922)

Она мне грезилась в фригийском колпаке,
С багровым знаменем, пылающим в руке,
Среди взметённых толп, поющих Марсельезу,
Иль потрясающей на гребне баррикад
Косматым факелом, под воющий набат,
Зовущей к пороху, свободе и железу.
В те дни я был влюблён в стеклянный отсвет глаз,
Вперённых в зарево кровавых окоёмов,
В зарницы гневные, в раскаты дальних громов
И в жест трагический, и в хмель красивых фраз.
Тогда мне нравились подмости гильотины
И вызов, брошенный гогочущей толпе,
И падающие с вершины исполины,
И карлик бронзовый на завитом столпе.

«Трихины» (10 декабря 1917) Из цикла «Пути России»

«Появились новые трихины»...Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины

В тела и в дух вселяются людей.

И каждый мнит, что нет его правей.

Ремёсла, земледелие, машины

Оставлены. Народы, племена

Безумствуют, кричат, идут полками,

Но армии себя терзают сами,

Казнят и жгут — мор, голод и война.

Ваятель душ, воззвавший к жизни племя

Страстных глубин, провидел наше время.

Пророчественною тоской объят,

Ты говорил, томимый нашей жаждой,

Что мир спасётся красотой, что каждый

За всех во всём пред всеми виноват.

Из стихотворения «Китеж» (август 1919)

Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдёт молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвясь от крови и угара,
Царёву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи - крест, на выю - трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществимый сон!

М. Волошин «Россия распятая»:

«Советская власть, утвердившись в Кремле, сразу стала государственной и строительной: выборное начало уступило место централизации, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумагопроизводство удешевилось, взятки и подкупность возросли в сотни раз, рабочие забастовки были объявлены государственным мятежом и стачечников стали беспощадно расстреливать, на что далеко не всегда решалось царское правительство, армия была восстановлена, дисциплина обновлена и в связи с этим наметились исконные пути московских царей - собирателей Земли Русской, причем принципы Интернационала и воззвания к объединению пролетариата всех стран начали служить только к более легкому объединению расслоившихся областей Русской империи».

«Внутреннее сродство теперешнего большевизма с революционным русским самодержавием разительно. Так же, как Петр, они мечтают перебросить Россию через несколько веков вперед, так же, как Петр, они хотят создать ей новую душу хирургическим путем, так же, как Петр, цивилизуют ее казнями и пытками: между Преображенским Приказом и Тайной канцелярией и Чрезвычайной комиссией нет никакой существенной разницы.

Это сходство говорит не только о государственной гибкости советской власти, но и об неизбежности государственных путей России, о том ужасе, который представляет собою русская история во все века. Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплечных мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преображение земного царства в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж - в Град Невидимый - скрытый от татар, выявленный в озерных отражениях.

Воистину вся Русь - это Неопалимая Купина, горящая и несгорающая сквозь все века своей мученической истории».

«Большевик. 1918 год» (1919) Из цикла «Личины»

**Зверь зверем. С крученкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем «Совета»,
А раньше грузчиком в порту.**

**Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —**

**Всем обращавшимся к нему
Он заявлял спокойно волю:
— «Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю».**

**Гроза прошла на этот раз:
В нём было чувство человечесьё —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечьё.**

**Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.**

**Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесён в расход»
За два часа до отступленья.**

«Терминология» (1921) Из цикла «Усобица»

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,

«Списывали в расход» —

Так изменялись из года в год

Речи и быта оттенки.

«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлёпку»,

«К Духонину в штаб», «разменять» —

Проще и хлеще нельзя передать

Нашу кровавую трёпку.

Правду выпытывали из-под ногтей,

В шею вставляли фугасы,

«Шили погоны», «кроили лампасы»,

«Делали однорогих чертей».

Сколько понадобилось лжи

В эти проклятые годы,

Чтоб разъярить и поднять на ножи

Армии, классы, народы.

Всем нам стоять на последней черте,

Всем нам валяться на вшивой подстилке,

Всем быть распластанным с пулей в затылке

И со штыком в животе.

«Террор» (1921)

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на тёмный двор.

Снимали с них обувь, бельё, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводку. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

**Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарём.
Полминуты работали пулемёты.
Доканчивали штыком.**

**Ещё недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землёй.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.**

**А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жёны, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.**

«Гражданская война» (1919)

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные тёмной волей
И горьким дымом городов.

Другие — из рядов военных,
Дворянских разорённых гнёзд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишённых всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

**Сгноить её пшеницы груды,
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.**

**И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнитв.**

**И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».**

**А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.**

«На дне преисподней» (1922) Из цикла «Усобица»

Памяти А. Блока и Н. Гумилёва

**С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.**

**Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.**

**Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.**

**Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!**

«Мой единственный идеал - это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему - вся крестная, страстная история человечества.

Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего, его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь - путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм - все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух.

(...)

Поэтому я могу быть только глубоко благодарен судьбе, которая удостоила меня жить, мыслить и писать в эти страшные времена, нами переживаемые».